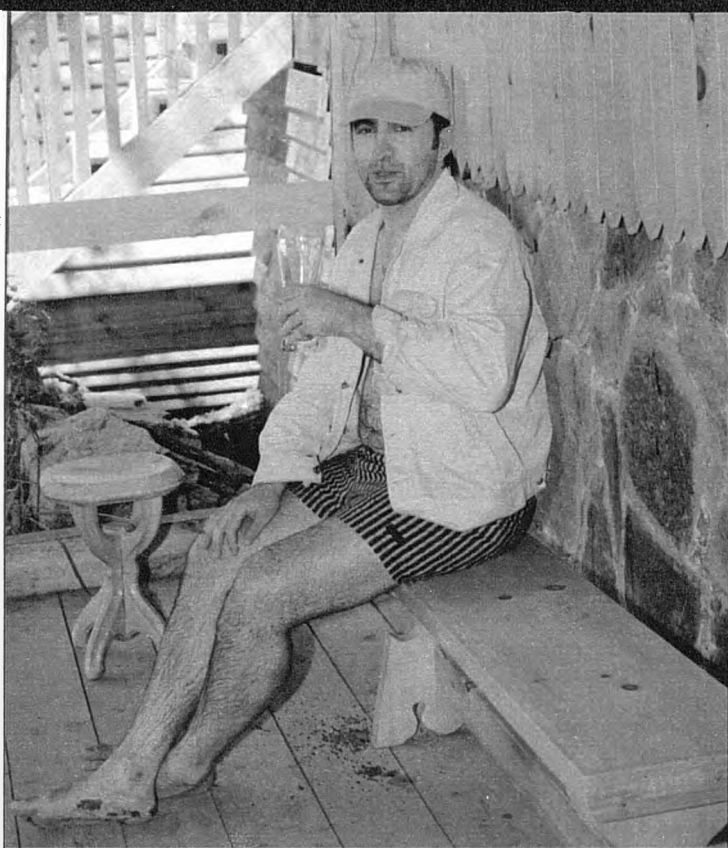

“Для меня идеальный вариант — сочинителя, который занимается различными видами творчества в стационарных условиях”.

— По-моему, в Екатеринбурге нет ни одной станции, отделанной малахитом.

— Конечно, нет. По бюджету, когда посчитали, все стало ясно. Что никакая идеология не потянет хотя бы одну станцию из малых хитов. Сколько бы там чиновники ни стучали пальцами в горисполкоме на приеме этих проектов. Рано или поздно они вынуждены были соглашаться, что не надо все золотом покрывать. Иначе все метро закончится на одной станции. А вся страна будет работать десять лет, чтобы обеспечить ее строительство. Так что все эти понятия о грандиозности и демонстрации на внешнем уровне нашей мощи — это, конечно, абсурд. Вот так мы и работали. Там, в этом проектно-ном институте, была такая пыльная атмосфера

ра, и мы все приобрели очень угрюмый вид за три года службы. Поэтому единственный выход был — определить для себя, стоит ли дальше продолжать карьеру архитектора, либо сделать такой аферистический шаг и заняться музыкой профессионально, сделать ее своим ремеслом. Вот мы и сделали.

— Мне кажется, для советского времени довольно смело — отказаться от своей профессии, лишиться постоянного места работы и заняться рок-музыкой, которой в то время проблематично было зарабатывать.

— Ну, я помню, для моих родителей это было практически трагедией. Папа говорил, что это просто как минимум неразумный поступок.

— Но сейчас-то они так уже не считают?

— Нет, сейчас они как-то смирились с этим. Если дров наломал, как думает мой папа, их нужно складывать в поленицу и использовать с пользой. Топить печку. Построить из них чего-нибудь.

— Ну, дрова-то вы с пользой использовали. Тогда, в 87-м или 88-м годах, "Нау" побил все рекорды советской популярности, гремел по стране, как некогда разве что Кобзон с Пугачевой, и все строчки хит-парадов пестрели сплошным "Наутилусом". Вы, наверное, ощущали себя как бы на вершине чего-то?

— Я, конечно, был приятно обескуражен, что мы чего-то действительно достигли.

— Для вас это было неожиданно?

— Ну, довольно неожиданно. Поскольку в те времена не было такой конвейерной системы в шоу-бизнесе. Все распространялось на уровне переписки с кассеты на кассету. С другой стороны — это было неизбежно. Музыка вышла из подполья, ее был определенным дефицит. По тем временам только дурак не мог воспользоваться этой ситуацией, и такие люди быстро появились. Я имею в виду разного рода предпринимателей, которые сделали из этого нормальную систему. Производственную. И стали делать деньги. Спекулянтам, им без разницы чем торговать — джинсами в 80-х годах, музыкой в 90-х или еще чем-нибудь. Главное, чтобы был широкий спрос, чтобы мало вкладывать, но много получать и быстро.

— Ну а выто заработали денег?

— Да нет.

— Как так? Как можно собирать стадионы и не заработать много денег?

— Элементарно. Собирать стадионы — это одно. Зарабатывать деньги — это другое. Это две совершенно разные вещи. Насколько мне известно, только в "Мумий Троле" изначально взяли под свой контроль всю эту ситуацию, все грамотно спланировали. А мы, как наивные, полагали, что есть специальные люди, которые дают нам такую

возможность замечательную — играть. И мы были вполне удовлетворены этим. Тогда пропагандировалось на внутреннем уровне, что деньги — это бумага. И не мог бывший подпольный рокер прийти к какому-то администратору и качать с него деньги.

— Какие-то у вас советские взгляды на шоу-бизнес.

— По-моему, человеческие. Это нормально. Человек получает для себя то, что ему необходимо. Просто некоторые пользуются такими способами, как назойливость, наглость, нахрапистость. А, по сути дела, никто не должен никому ничего давать.

— В то время, когда группа «Наутилус Помпилиус» стала популярна, вами очень интересовалась Пугачева и даже пыталась тянуть к себе.

— Тут термин “тянуть” просто неуместен. Она никого никогда не тянула. Вокруг нее достаточно много людей, и это их тянуло к ней.

— Почему вы стали сотрудничать? Зачем она вам давала уроки пения? И записывала бэк-вокал для вашего альбома?

— Это громко сказано. Все было довольно прозаично, на уровне профессионально-административном. По тем временам студия Аллы Пугачевой в «Олимпийском» считалась самой качественной, и у нас была возможность записываться на ней. Соответственно, нам приходилось выдвигаться, и Пугачева, как человек активный, не могла пройти мимо мучающегося псевдодокалиста. Но она быстро поняла, что учить меня — это безнадежное занятие. Поэтому, если приоткрыть маленькую тайну, в результате она сделала все сама. Но этот эпизод был в жизни. Не имеет смысла дуть его до глобальных масштабов. — **Просто меня всегда удивляло** то творческие связи рокеров с : нителями.

— В этом нет ничего странного. Я к ней с уважением отношусь и относился тогда. Но на интуитивном уровне я чувствовал, что мне трудно в ее окружении. В определенной

Это не смена имиджа. Это — внутренняя потребность физиологического уровня.

